

СОВЕТСКАЯ НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

УДК 94(47).084.9

doi 10.17072/2219-3111-2026-2-155-166

EDN: ZDEKPT

ASJC 1202

ГРНТИ 03.23.55

Ссылка для цитирования: *Тихонов В. В.* Академия наук СССР и советская научная дипломатия 1950-х – середины 1960-х годов // Вестник Пермского университета. История. 2026. № 2(73). С. 155–166. DOI: 10.17072/2219-3111-2026-2-155-166. EDN: ZDEKPT

АКАДЕМИЯ НАУК СССР И СОВЕТСКАЯ НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ 1950-Х – СЕРЕДИНЫ 1960-Х ГОДОВ¹

В. В. Тихонов

Институт всеобщей истории Российской академии наук, 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, 32А;
Архив Российской академии наук, 117218, Россия, Москва, ул. Новочеремушкинская, 34

tikhonovvitaliy@list.ru

Scopus Author ID: 55480752700

ResearcherID: G-5553-2016

SPIN-код: 1137-0222

В статье рассматривается роль Академии наук (АН) СССР в советской научной дипломатии 1950-х – первой половины 1960-х гг. В историографии международные контакты АН СССР в проблемном поле научной дипломатии ранее комплексно не анализировались, хотя неизменно попадали в поле зрения исследователей. Международная активность АН вписывается в «политику разрядки» и концепцию «мирного сосуществования». Представленная работа строится на широком круге научной литературы и источников, в том числе на документах Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). На основе выявленных фактов делается вывод о том, что АН СССР играла важнейшую роль в международных стратегиях Советского Союза, являясь эффективным каналом продвижения советской внешнеполитической повестки и формируя позитивный имидж страны и социалистического строя. Она являлась удобным партнером для международных контактов, поскольку формально сохраняла определенную дистанцию от партийно-государственной власти. Разумеется, говорить о внешнеполитической самостоятельности АН некорректно, ее активность на международной арене контролировалась различными инстанциями и правилами. Важным рубежом в развитии советской научной дипломатии стал 1964 г., когда перед учеными были поставлены конкретные задачи по продвижению интересов страны на международных площадках. В статье дается характеристика методов и форм научной дипломатии, используемых АН СССР. Отмечается, что сверхцентрализация советской системы управления мешала усилиям ученых. Тем не менее Академия наук СССР как флагман советской науки оказалась заметным и эффективным актором на международной арене.

Ключевые слова: Академия наук СССР, ЦК КПСС, советская наука, научная дипломатия, международная разрядка.

Введение

Изучение научной дипломатии в последние годы стало динамично развивающимся направлением исторических исследований. Вокруг содержания этого понятия продолжаются дискуссии [Крынжина, 2018], однако в широкой трактовке под научной дипломатией понимается использование ресурсов науки в международных отношениях. При этом приходится констатировать, что грань между научными контактами и тем, когда они перетекают в разновидность дипломатии, довольно зыбка. Демаркационной линией может выступать целеполагание: когда взаимодействие ученых предполагает решение сугубо научных вопросов – это научные контакты, а когда речь идет об извлечении внешнеполитической выгоды – перед нами научная дипломатия. Но и этот критерий не может считаться определяющим, поскольку сугубо научные

формы взаимодействия со временем органично вплетаются в дипломатические практики. Научную дипломатию часто рассматривают в качестве разновидности культурной дипломатии и элемента мягкой силы.

Можно выделить по меньшей мере два типа научной дипломатии: в первом случае она выступает инструментом достижения целей конкретными державами, во втором речь идет о надгосударственных международных организациях и движениях людей науки, которые создаются, как правило, в миротворческих целях. Ярким примером последнего является Пагуошское движение ученых [Тарле, 1988; Груздинская, Ковалев, Тихонов, 2023; Kraft, 2022; Петрова, 2025]. АН СССР, безусловно, находилась на противоположном полюсе, поскольку неизбежно сильно зависела от политической линии действующей власти, хотя и обладала определенной самостоятельностью, по крайней мере возможностью импровизации.

Относительно новым предметным полем стало изучение научной дипломатии в условиях холодной войны [Нагорная, 2018]. Причем эти исследования стали неотъемлемой частью такого направления, как «новая история» холодной войны [Егорова, 2009]. В центре его внимания оказывается не столько глобальное противостояние, сколько то, как оно преодолевалось или смягчалось, в том числе при помощи культурной, народной и научной дипломатии [Evangelista, 2012; Hollings, 2016; Советская культурная дипломатия..., 2018].

Для Советского Союза научная дипломатия стала важнейшим инструментом утверждения позитивного имиджа на мировой арене и продвижения своих интересов при помощи инструментов мягкой силы. Успехи советской науки, особенно в таких областях, как космические исследования, атомная физика, медицина и др., позволяли воочию продемонстрировать достижения СССР и эффективность социалистической системы. Более того, научная дипломатия позволяла «деидеологизировать» усилия Советского Союза по продвижению своих ценностей, поскольку идеологические лозунги оказывались в тени реальных успехов в науке и технике.

Советской научной дипломатии было присуще использование в качестве участников процесса формально самостоятельных институций, не аффилированных жестко с правительством и партией. Возникала специфическая «прокси-дипломатия». Именно такую роль выполняла АН СССР, обладавшая неоспоримым авторитетом в мире. Пропагандистский эффект привлечения Академии наук и ее сотрудников в качестве представителей советской системы был очевиден еще в первой половине XX в., когда два юбилея АН СССР, имевшие международный резонанс, сыграли важную роль в формировании позитивного имиджа страны.

В историографии международный вектор работы АН СССР традиционно рассматривается через призму развития научных связей [Комков и др., 1974, с. 400–413; Армашова и др., 2023, с. 195–275]. В предлагаемой статье будут рассмотрены основные функции и возможности АН СССР как учреждения в реализации научной дипломатии. Хронологическими рамками исследования станут 1950-е – середина 1960-х гг. – период международной разрядки. Для АН СССР данное время оказалось прорывным в плане выхода на мировую арену и встраивания в интернациональные научные сети. Для государственно-партийных органов это открывало большие возможности для формирования системы управляемой научной дипломатии. Кроме того, ниже будет показано, что именно в середине 1960-х гг. началась регламентация научных контактов как пропагандистского и дипломатического инструмента, открыв новый этап в советской научной дипломатии.

АН СССР и новые задачи советской внешней политики

Если в первое время после Второй мировой войны советская наука быстро восстанавливала и даже наращивала свои международные связи, то с началом холодной войны доминировали обратные тенденции. Был взят курс на сокращение международных контактов, хотя они никогда и не прерывались полностью. Все чаще признавалось нецелесообразным участие советских ученых в международных конгрессах, проходивших в западных странах. Одновременно можно было наблюдать и то, как ЦК стимулирует наращивание связей с учеными стран «народной демократии» [Бикбов, 2015, с. 52–54]. Учитывая всю совокупность фактов, можно говорить не только о том, что полной изоляции советской науки не произошло, да и не предпо-

лагалось, но и то, что был взят курс на формирование альтернативной, социалистической международной научной системы, в которой СССР будет играть доминирующую роль. Вот только нужно учитывать и то, что уровень восточноевропейской, а затем и китайской науки был на порядок ниже, чем западной. Поэтому снижение контактов с западными учеными негативно сказывалось на развитии советской науки.

Смерть Сталина привела к стремительному изменению ситуации. Новое советское руководство взяло курс на снижение международной конфронтации. Постсталинский Советский Союз стремился обрести новый имидж на международной арене. Отказ от прямого военного противостояния в значительной степени переводил соперничество систем в русло экономики и технологий. Академик П. Л. Капица в своем письме на имя Н. С. Хрущева от 15 декабря 1955 г. подчеркивал, что в условиях политики мирного сосуществования на первый план выходят «два основных показателя, которые выявляют преимущества одного социального строя перед другим. Первый показатель – это производительность труда; второй – это уровень ведущей науки. При этом производительность труда – это дело домашнее, но уровень науки – это еще и дело нашего международного влияния» (Академия наук в решениях..., 2010, с. 362).

В этом контексте наука оказывалась весьма привлекательным каналом для демонстрации мирных намерений СССР при одновременном показе впечатляющих технологических достижений. Высшее руководство страны прекрасно осознавало дипломатические возможности науки. Так, в беседе с английским ученым-ядерщиком, лауреатом Нобелевской премии Дж. Кокрофтом Н. С. Хрущев заявил: «Язык ученых, видимо, больше способствует взаимопониманию, чем язык дипломатов, которые часто думают одно, а говорят другое» (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964..., 2015, с. 831). При этом для него наука и техника оставались в первую очередь полем мирной конкуренции со странами капитализма. При встрече с министром по вопросам науки и техники Великобритании Квинтином Хоггом на его предложение сотрудничать с СССР в области науки и образования Н. С. Хрущев сказал, что «это хорошее поле для соревнования» (Там же, с. 929). Опыт наглядно показывал, что именно в научной и культурной сферах проще всего найти необходимые точки соприкосновения даже со странами, внешнеполитические контакты с которыми оставались непростыми.

Как уже отмечалось выше, АН СССР неизменно входила в арсенал учреждений, активно участвующих в «культурных связях с границей». В условиях холодной войны это направление деятельности становилось все важнее. Кроме того, усложнение международных отношений усилило экспертную функцию Академии и ее институтов, готовивших заключения и аналитические записки по широкому спектру вопросов науки, техники, культуры и внешней политики. АН СССР также оказывалась своеобразной витриной советской науки, за которой оказывалось немало секретных научно-исследовательских учреждений широкой ведомственной принадлежности, информация о деятельности которых разглашению не подлежала.

Академический административно-управленческий корпус хорошо освоил привлекательную для партийно-государственных органов риторику, в которой подчеркивался пропагандистский эффект от научных контактов. Приведем несколько примеров. Так, обосновывая в записке от 19 августа 1955 г. желательность проведения в 1960 г. XI Международного конгресса историков в Москве, Президиум АН СССР при поддержке Министерства высшего образования СССР настаивал на том, что организация и проведение конгресса в Москве позволят советским историкам перехватить инициативу у их зарубежных коллег и решить широкий спектр не только научных, но и внешнеполитических задач (Академия наук в решениях..., 2010, с. 325). Добиться права провести конгресс историков в Москве в 1960 г. не удалось (он пройдет в столице СССР в 1970 г.), но здесь важнее не результат, а намерения, демонстрирующие стремление продвигать через научные структуры советскую идеологию и политические приоритеты.

Еще одним ярким примером использования научных каналов для продвижения и отстаивания внешнеполитических интересов является кампания по борьбе за признание статуса ученых из ГДР. Дело в том, что представители ГДР имели возможность приехать на конференции в страны, входящие в блок НАТО, только после получения паспорта в «Союзническом бюро путешествий», располагавшемся в Западном Берлине. Помимо западных немцев, в состав бюро

входили представители США, Великобритании и Франции, то есть стран, которые фактически не признавали ГДР, что приводило к частным отказам. В случае отказа восточногерманским ученым рекомендовалось ехать в составе делегаций из ФРГ. Такие практики являлись не только дискриминационными по отношению к гражданам ГДР, но и отражали общую политику непризнания этой страны со стороны НАТО, стремление поставить под сомнение ее международный суверенитет. В свою очередь, СССР помогал добиться ГДР официального статуса, что позволило бы закрепить послевоенные границы и упрочить международное положение важного союзника по социалистическому блоку.

18 апреля 1963 г. от имени АН СССР и за подписью ее Президента М. В. Келдыша в ЦК КПСС была направлена записка, в которой поднимался вопрос о дискриминации восточногерманских ученых в связи с намечающейся XIII Генеральной ассамблеей Международного союза геодезии и геофизики, которая должна была пройти в Беркли (США). В случае оказания препятствий для представителей ГДР М. В. Келдыш предлагал со стороны советской делегации поставить вопрос о необходимости переноса места ассамблеи. По его мнению, такое давление поддержит коллег из ГДР и поможет решить проблему. В аппарате ЦК посчитали возможным прибегнуть к такому шагу (РГАНИ Ф. 5. Оп. 55. Д. 25. Л. 140–145). Пока трудно сказать, понадобилось ли АН СССР идти на крайние меры, но мероприятие все же прошло, а делегация ГДР приняла в нем участие [Шебалин, 1964].

В советской системе ученые оказывались особой статусной, пусть и неоднородной, группой, имевшей привилегированный доступ к ограниченным социальным благам, в том числе и к поездкам за границу [Орлов, Попов, 2016, с. 140, 307; Советская культурная дипломатия..., 2018, с. 318–319]. Люди науки оказались эффективными и подготовленными участниками международных контактов, поскольку обладали важными культурными и языковыми навыками, могли представить привлекательный образ «типичного» советского человека.

АН СССР являлась очень удобным партнером для всех участников международного взаимодействия, поскольку имела своеобразный двойственный статус. С одной стороны, она вполне была вписана в советскую управленческую иерархию, с другой – обладала международным авторитетом и выдерживала некоторую дистанцию от власти. При этом говорить об АН СССР как о самостоятельном акторе все же не приходится. На международной арене или с международными проектами Академия наук почти всегда выступала в связке с какой-нибудь мощной партийно-государственной структурой. Ее предложения выглядели для ЦК КПСС внушительнее и обоснованнее, если их поддерживали структуры аппарата ЦК КПСС или общесоюзные министерства.

На протяжении всех 1950-х гг. международные связи АН СССР стремительно увеличивались, и именно с ней предпочитали работать зарубежные научные учреждения. Такое положение дел потребовало в Уставе 1959 г. впервые в советской истории отразить международную функцию Академии: «Академия наук СССР устанавливает и развивает научные связи с академиями наук и другими научными учреждениями зарубежных стран, участвует в международных научных съездах, конференциях и совещаниях, вступает в международные научные организации» (Уставы..., 1974, с. 153). Особый статус АН СССР был удобен и власти, поскольку позволял сосредоточить международное научное сотрудничество в узком круге избранных учреждений, ключевым из которых являлась как раз Академия, что заметно упрощало контроль и управление.

Организационные механизмы международных научных контактов и АН СССР

Исследователи традиционно отмечают высокий уровень централизации советской модели внешних контактов. В центре системы находились высшие государственно-партийные органы, которые направляли организации-исполнители [Советская культурная дипломатия..., 2018, с. 38–85]. Ключевой структурой являлся ЦК КПСС, в том числе и его аппарат, состоявший из отделов. Из-за периодических реорганизаций названия и даже некоторые компетенции отделов менялись. Однако можно отметить следующий ряд отделов, занимавшихся определением политики в области международных научных связей в середине 1950 – середине 1960-х гг.: Отдел науки и культуры (время существования – март 1953 г. – сентябрь 1955 г.), Отдел науки и выс-

ших учебных заведений ЦК КПСС (сентябрь 1955 г. – май 1956 г.), Отдел науки, высших учебных заведений и школ ЦК КПСС (май 1956 г. – декабрь 1962 г.), Идеологический отдел ЦК КПСС (декабрь 1962 г. – май 1965 г.) (Отдел науки ЦК КПСС..., 2006).

Разрешения или запрет на различные контакты сотрудников АН СССР с зарубежными коллегами определялись постановлениями Президиума (в том числе и Бюро Президиума) и Секретариата ЦК КПСС. Последние современные исследователи все чаще рассматривают как «соруководящий орган власти», дополнявший Президиум (Секретариат ЦК КПСС..., 2020, с. 12). Полноценной статистики по постановлениям пока нет, но можно отметить определенную тенденцию в том, кто утверждал постановления об отправке советских ученых за границу и приеме их иностранных коллег. До 1954 г. эту роль, как правило, выполнял Секретариат. Затем до 1957 г. – чаще всего Президиум, а потом снова Секретариат (Академия наук в решениях..., 2010). Видимо, это объясняется сменами фаз особого внимания высшего руководства к научным контактам. Учитывая то, что Президиум фактически являлся главным руководящим органом партии и страны, такое внимание свидетельствует о серьезном отношении руководства к этой области. Но по мере интенсификации международных научных связей Президиум все меньше имел возможностей для реального контроля и делегировал эту функцию Секретариату.

В 1955 г. на заседании Президиума ЦК партии было принято Постановление «О мерах по упорядочиванию обмена делегациями с зарубежными странами и расходованию государственных средств на культурные связи с заграницей», которое готовилось на основании представленных различными организациями (в том числе и АН СССР) предложений по регламентации выезда делегаций за рубеж. В документе было прописано, что «впредь вопросы о приглашении в СССР и направлении за границу каждой делегации и коллектива рассматривались в ЦК КПСС» [Орлов, Попов, 2016, с. 41]. Иными словами, состав и цели научных делегаций должны были пройти согласование в профильных отделах аппарата ЦК КПСС и утверждаться Президиумом или Секретариатом. При этом следует учитывать, что при отборе рядовых кандидатов научных поездок большую роль играли локальные партийные и административные структуры, а для научного туризма сотруднику АН СССР следовало собрать следующий комплект документов: письмо из Академии в Отдел науки ЦК КПСС, обоснование командировки, характеристику, где указывались прежние поездки за границу, справки с фото [Там же, с. 140–141].

На фоне резкой интенсификации внешних контактов сама Академия наук СССР также активно развивала соответствующие структуры. Официально все направления ее работы шли через Президиум АН СССР. 7 января 1955 г. при нем была создана Комиссия по международным научным связям [Летопись Российской академии наук, 2023, с. 131]. Ее задачей стало определение общего вектора развития контактов с учеными за рубежом. Организационными вопросами с 1948 г. занимался Иностранный отдел Президиума АН СССР, который в 1962 г. был переименован в Управление внешних сношений АН СССР. 7 июня 1957 г. Президиум принял Постановление «О работе Иностранного отдела», где отмечалось, что количество выездов с 1954 по 1956 г. увеличилось в пять раз, поэтому основную работу по установлению международных контактов и научного сотрудничества должны проводить на уровне отделений [Там же, с. 427]. 20 февраля 1959 г. было утверждено Положение о Комиссиях по международным научным связям институтов АН СССР. Согласно этому документу, при дирекциях институтов образовывались комиссии во главе с директором или его заместителем. Сюда же входили 3–5 ведущих ученых, по одному представителю от партийной и профсоюзной организаций института, а также ученый секретарь [Там же, с. 640].

Представители АН СССР являлись неизменными участниками учрежденного в 1957 г. Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете министров СССР (ГККС). Постановлением ЦК КПСС от 24 декабря 1963 г. ГККС утверждал квартальные планы по культурным и научным связям, осуществлял контроль за подбором, подготовкой и инструктажем членов делегаций [Силина, 2011, 170]. По состоянию на 1965 г. ГККС должен был контролировать культурные контакты АН СССР с зарубежными странами, в том числе и пропаганду. ГККС был ликвидирован в ноябре 1967 г.

Видимо, ученые оказались не самым удобным контингентом для работы. Так, в записке, поданной от ГККС в ЦК КПСС, «О некоторых недостатках по подготовке советских делегаций и отдельных представителей к выездам за границу в соответствии с планами культурных и научных связей» отмечался рост потока научных контактов. С удовлетворением признавалось, что «каналы культурных и научных связей стали лучше использоваться для пропаганды за рубежом миролюбивой внешней политики КПСС и Советского правительства, успехов советского народа в коммунистическом строительстве, для ознакомления с передовым зарубежным опытом» [Там же, с. 171]. Однако здесь же отмечалось, что выезжающие за рубеж ученые не всегда эффективно выполняют работу, пассивно участвуют в международных мероприятиях (то есть не отстаивают советскую, в том числе и политическую, позицию), не стремятся ознакомиться с организацией производства и технологиями и в конце концов не сдают отчеты о прошедшей командировке. Особенно часто критиковались почему-то сотрудники АН СССР. Впрочем, это может объясняться частотой их выездов.

Итоговым и даже переломным в развитии советской научной дипломатии можно считать 1964 г. Именно тогда в ЦК было принято решение регламентировать, интенсифицировать и даже стандартизировать методы продвижения внешнеполитических интересов СССР через научные каналы. 28 мая 1964 г. в ЦК КПСС прошло совещание по вопросам усиления пропагандистской работы через международные организации. Совещание инициировал ГККС (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 115. Л. 82–83). Свои предложения представила и АН СССР. Они включали следующие меры: усиление инструктажа членов научных делегаций и поручение им конкретных заданий по пропаганде во время поездок за рубеж (выступление в сми, продвижение с трибун конференций определенных установок и т.д.). Предлагалось усилить координацию работы АН с посольствами. Особое внимание планировалось уделить лоббированию кандидатур советских ученых на руководящие посты международных научных организаций и поддержку коллег из социалистических стран. Предполагалось усилить координацию действий академий социалистических стран. Важным вектором научной дипломатии должны были стать публикационная активность советских ученых в международных научных журналах и издание переводов научных книг. В свою очередь, АН СССР просила упростить процесс выезда ученых и согласования составов делегаций, чтобы исключить случаи опоздания на международные мероприятия или их пропуск советскими учеными (Там же. Л. 119–122).

Итак, на фоне быстрого увеличения международных научных контактов со стороны государственно-партийных органов можно было наблюдать стремление их упорядочить и взять под усиленный контроль. Но в самой АН СССР наметилась тенденция к определенной децентрализации – перенесение функций организации и контроля в академические институты при сохранении общеакадемических структур. Создавало ли это больше возможностей для научных контактов? Вряд ли. Делегирование функций «на места» привело не к большей свободе, а скорее к большей бюрократизации процесса, поскольку нужно было пройти больше согласований, в которые, очевидно, вмешивался и человеческий фактор. И с этой точки зрения контроль только усиливался. Но поток сотрудников АН СССР, выезжающих за рубеж, быстро рос. Это позволяет утверждать, что серьезным тормозом новые правила не стали. Однако следует подчеркнуть, что с 1964 г. советская научная дипломатия приобрела более интенсивный характер и даже напористость. Государственно-партийному аппарату уже было мало того, что наука создает позитивный имидж СССР, теперь советский ученый должен был стать полноценным и дисциплинированным агентом продвижения внешнеполитических интересов своей страны.

АН СССР и формы советской научной дипломатии

Какие же формы и методы научной дипломатии были доступны АН СССР? В первую очередь нужно говорить о самом факте поездок советских ученых за рубеж и приезды в СССР их иностранных коллег. Взаимодействие создавало необходимую международную среду, сети контактов, в том числе неформальных, но столь необходимых в научном мире и полезных для достижения задач научной дипломатии. Приведем следующие цифры: в 1959 г. АН СССР приняла около 1600 иностранных ученых, примерно столько же ее представителей выехало за ру-

беж. В 1970 г. в АН СССР побывало 7,5 тыс. иностранцев, около 4,2 тыс. сотрудников Академии выехало за границу [Армашова и др., 2023, с. 212]. Многие ученые оказывались за границей на международных научных мероприятиях не в командировке, а в качестве научных туристов [Орлов, Попов, 2016, с. 143–144; Советская культурная дипломатия..., 2016, с. 100–101]. Тем не менее поездки охватывали все уголки мира, наглядно демонстрируя, что Советский Союз является мировой научной сверхдержавой.

Согласно представлениям контролирующих органов, каждый из ученых, выехав за границу, становился полномочным послом Страны Советов, должным вести себя соответствующим образом. Как и в случае с остальными гражданами, эксцессы были не просто крайне нежелательны, но должны были исключаться. Разумеется, при этом они случались более или менее регулярно.

На советских ученых возлагалась еще и разведывательная функция, вплоть до шпионажа. Согласно Постановлению Государственного комитета обороны от 5 июня 1943 г. «Мероприятия по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР», советские ученые, выезжавшие по линии АН СССР, должны были содействовать разведывательным органам и подчиняться определенным правилам поведения [Орлов, Попов, 2016, с. 198]. Трудно сказать, насколько ученые АН СССР были вплетены в разведывательные сети, но от них требовали внимательного изучения науки и техники, процессов производства и организации исследований в развитых странах, которые они посещали [Там же, с. 46, 142]. Разумеется, советские ученые не были обыкновенными промышленными шпионами. Они приезжали с собственными разработками (если те не оказывались секретными), научными идеями и технологиями. Но от принимающей стороны всегда требовался эквивалентный обмен информацией, которая могла пойти на пользу СССР. В отношении развивающихся стран такое правило не действовало, и советская сторона была готова щедро делиться знаниями и техникой в одностороннем порядке [Раджагопалан, 2024, с. 23, 26].

Одним из ключевых векторов научной дипломатии являлось участие в международных научных союзах, комитетах и организациях. Здесь АН СССР являлась, видимо, абсолютным рекордсменом по сравнению с другими советскими организациями. Согласно справке ГККС, в 1964 г. АН СССР состояла в 87 международных организациях. Для сравнения: на втором месте с большим отставанием находился Союз спортивных обществ и организаций СССР, являвшийся членом 39 международных организаций [Силина, 2011, с. 109]. Множество членов АН СССР входило в руководящие структуры международных организаций. Помимо этого, АН СССР брала на себя инициативу по консолидации академий стран социалистического блока. 14–17 марта 1962 г. в Варшаве прошло совещание представителей академий наук социалистических стран (О совещании..., 1962, с. 99–100). В дальнейшем такие совещания станут регулярными и будут направлены на консолидацию социалистической научной системы и координацию ее действий на международной арене.

Но в поддержании масштабной системы советского научного присутствия возникали, казалось бы, незначительные, но немаловажные проблемы, напрямую отражавшие специфику политико-экономического устройства Советского Союза. Дело в том, что для сохранения мест в международных научных организациях требовались взносы, от которых зависело в том числе количество представленных в них сотрудников АН СССР. Взносы были относительно небольшими, но регулярными и в виде валюты, которая в СССР всегда была в дефиците и выделялась строго лимитировано.

Показательным примером является история с участием АН СССР в Международном математическом союзе, который с 1963 г. увеличил членские взносы на 50 %. М. В. Келдыш вынужден был через ЦК просить выделения дополнительной валюты для их оплаты. До повышения АН СССР вносила 525 долларов США. То есть цена вопроса заключалась в 260 долларов, но, чтобы изыскать такую сумму, приходилось спрашивать разрешения на самом верху (РГА-НИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 25. Л. 66–67). Затем все нужно было согласовывать с Министерством иностранных дел и Министерством финансов. Такая сверхцентрализация серьезно снижала дипломатические возможности АН СССР и ставила ее в мелочную зависимость от государственно-партийных органов.

Схожий запрос был направлен и в отношении Международного комитета по исследованию Арктики, который увеличил членские взносы (ранее было 500 долларов) на 857 долларов в 1963 г. и требовал в 1964 г. уже 1790 (Там же. Л. 75–81). В ЦК посчитали оправданным выделить дополнительные средства для Международного математического союза, а для Международного комитета по исследованию Арктики – нет. В Идеологическом отделе ЦК решили, что в Комитете по исследованию Арктики слишком сильны позиции США, поэтому он «не оказывает советским ученым реальной помощи в проведении арктических исследований» (Там же. Л. 113). Как следствие, по мнению сотрудников аппарата ЦК, участие в нем не стоит траты валютных средств.

Всего, согласно данным самой АН СССР, на взносы в различные международные организации тратились следующие суммы: в 1960 г. – 34 848 инвалютных рублей; в 1961 г. – 30 981; в 1962 г. – 36 983; в 1963 г. – 37 285 (Там же. Л. 102). Как видно, траты были не фантастическими и относительно стабильными.

Важную роль советское руководство отводило различным надправительственным организациям и совещаниям (самым известным являлось Пагуошское движение ученых), направленным на разоружение или ограничение вооружений, справедливо видя в них инструмент снижения накала гонки вооружения, а также публичной площадки для продвижения внешнеполитических инициатив Советского Союза. АН являлась важным игроком на этом поле, а ее вице-президент А. В. Топчиев в 1957–1962 гг. стал первым председателем Советского Пагуошского комитета [Егорова, 2016, с. 111, 160].

Площадками научной дипломатии становились международные научные проекты в формате мега-science. В качестве примера можно назвать проект по созданию Объединенного института ядерных исследований (первоначально его планировали назвать Восточной лабораторией ядерных исследований). В записке от 4 ноября 1955 г. о необходимости создания лаборатории ядерных исследований, направленной от имени первого заместителя министра среднего машиностроения СССР Б. Л. Ванникова в Президиум ЦК КПСС, прямо указывалось, что она поможет сплотить страны народной демократии в изучении атомной энергии, в то время как созданная в 1954 г. Европейская организация ядерных исследований (ЦЕРН) вносила раскол в социалистический лагерь, приглашая одни страны восточного блока и игнорируя другие (Академия наук в решениях..., 2010, с. 336–338). Чтобы избежать ненужной конфронтации с учеными из западных стран, было решено отказаться от использования в названии «восточный», избегая тем самым даже намека на раскол Запада и Востока, и в итоге использовали прилагательное «объединенный». Получился хорошо известный в мире Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ). Очевидно, что в дальнейшем планировалось вовлечь в работу проекта и западных физиков. Таким образом, ОИЯИ должен был сплотить ученых социалистического блока, дав им альтернативу ЦЕРНу, и одновременно стать привлекательным местом для контактов с коллегами со всего мира, в том числе и капиталистического.

Особой формой научной дипломатии являлось избрание зарубежных ученых в почетные члены АН СССР. 15 июля 1957 г. по предложению АН СССР Президиум ЦК КПСС принял постановление, согласно которому звания «иностранного почетный член АН СССР» и «иностранного члена-корреспондент АН СССР» заменялись на единое звание «иностранного члена АН СССР». Сделано это было накануне выборов в Академию наук, и ее Президиум предлагал значительно увеличить количество иностранных членов (на 30–35), аргументируя этот шаг тем, что это позволит расширить влияние среди зарубежных ученых и укрепит позиции советской науки (Академия наук в решениях..., 2010, с. 803). Разумеется, одним из условий избрания являлась лояльность ученого по отношению к СССР.

За отдельных иностранных ученых нужно было вступать в настоящую борьбу. И дело было не только в их научном авторитете, но и в их потенциальных возможностях по продвижению интересов СССР и социалистических идей. В 1958 г. иностранным членом АН СССР был избран индийский экономист Прасанта Чандра Махаланобис, возглавлявший Индийский статистический институт и оказывавший большое влияние на экономическую политику правительства своей страны. Махаланобис сочувствовал идеям плановой экономики, видя в ней эффек-

тивный инструмент модернизации Индии. Избрание экономиста в АН СССР должно было продемонстрировать ему поддержку со стороны Советского Союза. Но в 1961 г. Махаланобиса избрали уже в Американскую статистическую ассоциацию [Раджагопалан, 2024, с. 192–193]. Таким образом, шла неявная борьба двух систем за интеллектуальную и управленческую элиту стран третьего мира.

Действенным каналом влияния становилась и научная литература. АН СССР ежегодно отправляла за рубеж до 180 тыс. книг и журналов и получала около 60 тыс. [Комков, Левшин, Семенов, 1977, с. 410]. Множество книг специально переводилось издательством «Прогресс» на иностранные языки. Советские научные издания оказывались востребованы по всему миру, особенно в странах третьего мира, формируя образ СССР как научно-просветительской державы [Раджагопалан, 2024, с. 244–253].

Не менее ощутимый эффект присутствия советской науки оказывали научная аппаратура и техника, произведенные в СССР и переданные по линии АН СССР. Советская наука традиционно испытывала проблемы с оборудованием. Однако для стран глобального юга советские приборы оказывались весьма привлекательными, особенно из-за того, что советская сторона часто дарила их, рассчитывая на дипломатический эффект.

Приведем один пример. В ходе реализации Международного геофизического года 1957–1958 СССР и США выступили с предложением, чтобы великие державы помогли развивающимся странам в организации их сейсмических станций. СССР предложил построить такую станцию в Индонезии (Академия наук в решениях..., 2010, с. 648–651). Расчет был на то, что важное для находящейся в сейсмоопасной зоне страны научное оборудование даст советской стороне серьезные дивиденды не только на научном, но и на внешнеполитическом фронте.

Наконец, нельзя не отметить такое направление научной дипломатии АН СССР, как участие, подготовка и проведение научных выставок. Научные выставки, подготовленные усилиями Академии наук и работавшие по всему миру, оказались эффективной формой презентации Советского Союза как передовой и современной научной сверхдержавы. Эффективность выставочной деятельности продемонстрировала советская экспозиция на Всемирной выставке 1958 г. в Брюсселе. Для реализации выставочных проектов в 1959 г. был создан Научный совет по выставкам работ Академии наук СССР и академий наук союзных республик.

Выводы

АН СССР являлась важнейшим элементом советской мягкой силы, оказываясь ключевым игроком на поле научной дипломатии. Советское правительство рассматривало науку в качестве действенного канала налаживания внешнеполитических контактов и регулирования международной повестки. Академия в этом контексте не являлась самостоятельным актором, но оказывалась предпочтительным партнером для зарубежных научных и общественных организаций, в том числе международных.

На протяжении 1950-х – первой половины 1960-х гг. можно наблюдать быстрый рост внешних контактов Академии наук, которые государственно-партийный аппарат стремился поставить на службу не только науке, но и политике. В 1964 г. при непосредственном участии АН СССР для советской научной дипломатии ЦК КПСС был установлен своеобразный алгоритм работы. Советский ученый рассматривался как полноценный агент, в задачи которого входило не только поддержание научных связей, но и последовательное отстаивание интересов СССР с трибун конференций и симпозиумов и даже разведывательно-аналитическая функция.

Советская власть поощряла вовлечение АН СССР в работу международных организаций, справедливо считая это эффективным каналом продвижения советской научной, культурной и внешнеполитической повестки. Однако в сверхцентрализованной советской системе эффективность АН СССР как актора научной дипломатии снижалась, поскольку она вынуждена была согласовывать все свои шаги со сложной партийно-бюрократической системой.

АН СССР обладала разнообразными инструментами научной дипломатии и развивала различные ее формы. К ним можно отнести не только непосредственные контакты с учеными других стран или участие академических структур и отдельных ученых в работе междуна-

ных организаций, но и издательскую деятельность, экспорт приборов, организацию научных выставок и т.д. Все перечисленные формы и методы должны были наглядно демонстрировать мощь советской науки, Советского Союза и социалистической системы в целом. Научная литература и приборы становились материальными агентами присутствия советской науки во всех уголках мира.

Надо признать, что советская власть вполне эффективно использовала достижения науки и ее флагмана – АН СССР – в своих внешнеполитических стратегиях. В условиях конфронтации холодной войны это позволяло представить Советский Союз передовой и рациональной державой, нацеленной на соревнование не на поле боя, а в сфере знаний и технологий.

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Советская научная дипломатия: формы, направления, инструменты (1950–1980-е гг.)», № 25-78-10110.

Список источников

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 55. Д. 25; Д. 115.
Академия наук в решениях ЦК РКП(б) – ВКП (б) – КПСС. 1922–1991 / 1952–1958 / отв. сост. В.Ю. Афиани, В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2010. 1279 с.
О совещании представителей академий наук социалистических стран // Вестник АН СССР. 1962. Т. 99, № 6. С. 99–100.
Отдел науки ЦК КПСС: аннотированные описи / сост. М.Ю. Киселев, И.А. Казарина, Л.А. Величанская, Л.В. Чарская. М.: РОССПЭН, 2006. 396 с.
Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления: в 3 т. Т. 3. Постановления. 1959–1964 / гл. ред. А.А. Фурсенко. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2015. 1175 с.
Секретариат ЦК КПСС: записи и стенограммы заседаний. 1965–1967 гг. / сост. Н.Г. Томилина, М.Ю. Прокуменщиков, Т.А. Джалилов, Н.Ю. Пивоваров. М.: Истлит, 2020. 994 с.
Уставы Академии наук СССР. 1924–1974. М.: Наука, 1974. 208 с.

Библиографический список

Армашова А.В., Максимова Д.Д., Максимова О.Д., Окунева М.О. Правовая политика советского государства в сфере развития науки. 2-е изд., стереотип. М.: УРСС, 2023. 432 с.
Бикбов А.Т. Парадоксы императивной интернационализации в 1943–1953 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: материалы VII Междунар. науч. конф., Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М.: РОССПЭН, 2015. С. 52–54.
Груздинская В.С., Ковалев М.В., Тихонов В.В. Фигура историка-международника в советском миротворческом движении второй половины 1940–1980-х годов // Вестник Перм. ун-та. История. 2023. № 4(63). С. 81–92. DOI: 10.17072/2219-3111-2023-4-81-92. EDN: YNZOMN.
Егорова Н.И. «Народная дипломатия» ядерного века: движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955–1965 годы. М.: Аквилон, 2016. 318 с.
Егорова Н.И. «Новая история холодной войны» в современных зарубежных исследованиях // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 116–117. EDN: KPHORL.
Комков Г.Д., Левишин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк: в 2 т. Т. 2. 1917–1976. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1977. 445 с.
Крынжина М.Д. Научная дипломатия в интерпретациях российских специалистов // Международные процессы. 2018. Т. 16, № 4(55). С. 193–208. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.12. EDN: UXICYT.
Летопись Российской академии наук. Т. VIII. 1954–1959. М.: Архив РАН, 2023. 992 с.
Нагорная О.С. Научное сотрудничество и образовательные контакты в системе советской культурной дипломатии эпохи «холодной войны» (1945–1990 гг.) // Вестник Перм. ун-та. История. 2018. № 3(42). С. 22–30. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-3-22-30. EDN: YNAAVF.
Орлов И.Б., Попов А.Д. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм. 1955–1991. М.: Изд-во ВШЭ, 2016. 351 с. ISBN: 978-5-7598-1394-1. EDN: YQGKCF.

Петрова Т.М. Пагуошская конференция 1960 года в Москве в контексте культурной дипломатии Советского Союза // *Quaestio Rossica*. 2025. Т. 13, № 4. С. 1367–1383. DOI: 10.15826/qr.2025.4.1027. EDN: JCENVH.

Раджагопалан С. Путешествие советских вещей: холодная война как жизненный опыт на Кубе и в Индии. Бостон; СПб.: Библиороссика, 2024. 363 с.

Силина Л.В. Внешнеполитическая пропаганда в СССР в 1945–1985 гг. (по материалам отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) – КПСС). М.: РОССПЭН, 2011. 207 с. ISBN: 978-5-8243-1558-5. EDN: SUIPQR.

Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны. 1945–1989. М.: Полит. энциклопедия, 2018. 446 с.

Тарле Г.Я. Движение сторонников мира в СССР. М.: Наука, 1988. 240 с.

Шебалин Н.В. Большая программа изучения Земли (XIII генеральная ассамблея МГТС в США) // *Вестник Акад. наук СССР*. 1964. Т. 52, № 1. С. 52–58.

Evangelista M. *Unarmed Forces. The Transnational Movement to End the Cold War*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2012. 406 p.

Hollings Ch. *Scientific Communication across the Iron Curtain*. Berlin: Springer International Publishing, 2016. 109 p. DOI: 10.1007/978-3-319-25346-6.

Kraft A. *From Dissent to Diplomacy: The Pugwash Project During the 1960s Cold War*. Berlin: Springer, 2022. 140 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 13.03.2026

THE USSR ACADEMY OF SCIENCES AND SOVIET SCIENTIFIC DIPLOMACY OF THE 1950s AND THE MID-1960s

V. V. Tikhonov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Prospekt 32A, Moscow, 119334, Russia

Archive of the Russian Academy of Sciences, Novocheremushkinskaya str., 34, Moscow, 117218, Russia

tikhonovvitaliy@list.ru

Scopus Author ID: 55480752700

ResearcherID: G-5553-2016

SPIN: 1137-0222

The article examines the role Academy of Sciences of the USSR in Soviet scientific diplomacy of the 1950s and the first half of the 1960s. In historiography, the international contacts of the USSR Academy of Sciences in the problematic field of scientific diplomacy had not previously been comprehensively analyzed. The research is based on a wide range of literature and sources, including documents from the Russian Academy of Sciences. Based on the revealed facts, it is concluded that the Academy of Sciences of the USSR played a crucial role in the international strategies of the Soviet Union, being an important channel for promoting the Soviet extrapolitical agenda and forming a positive image of the country and the socialist system. The Academy of Sciences of the USSR was a "convenient" partner for international contacts, since it formally maintained a certain distance from the party and state authorities. An important milestone in the development of Soviet scientific diplomacy was 1964, when scientists were given specific tasks to promote the country's interests on international platforms. The article describes the methods and forms of scientific diplomacy used by the USSR Academy of Sciences. It is noted that the over-centralization of the Soviet management system hindered the efforts of scientists. Nevertheless, the USSR Academy of Sciences, as the flagship of Soviet science, proved to be an effective actor in the international arena.

Key words: USSR Academy of Sciences, Central Committee of the CPSU, Soviet science, scientific diplomacy, international detente.

Acknowledgments

The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the project "Soviet Scientific Diplomacy: forms, directions, tools (1950-1980s)" (No. 25-78-10110).

References

Afiany, V. (Ed.). (2023). *Chronicle of the Russian Academy of Sciences* (Vol. 8, 1954-1959). Archive of the RAS.

- Armashova, A. V., Maksimova, D. D., Maksimova, O. D., & Okuneva, M. O. (2023). *Legal policy of the Soviet state in the sphere of science development* (2nd ed.). URSS.
- Bikbov, A. T. (2015). Paradoxes of imperative internationalization in 1943-1953. In *Soviet state and society in the late Stalinist period. 1945-1953. Materials of the VII International Scientific Conference, Tver', December 4-6, 2014* (pp. 52–54). ROSSPEN.
- Egorova, N. I. (2009). The new history of the Cold War in contemporary foreign studies. *Modern and Contemporary History*, 4, 116–117.
- Egorova, N. I. (2016). *“People’s diplomacy” of the nuclear age: The peace movement and the problem of disarmament, 1955–1965*. Aquilon.
- Evangelista, M. (2012). *Unarmed forces: The transnational movement to end the Cold War*. Cornell University Press.
- Gruzdinskaya, V. S., Kovalev, M. V., & Tikhonov, V. V. (2023). The figure of an international historian in the Soviet peace movement of the second half of the 1940s–1980s. *Perm University Herald. History*, 63(4), 81–92.
- Hollings, C. (2016). *Scientific communication across the Iron Curtain*. Springer International Publishing.
- Komkov, G. D., Levshin, B. V., & Semenov, L. K. (1977). *Academy of Sciences of the USSR: A brief historical essay* (Vol. 2, 1917-1976) (2nd ed., revised and expanded). Nauka.
- Kraft, A. (2022). *From dissent to diplomacy: The Pugwash project during the 1960s Cold War*. Springer.
- Krynzina, M. D. (2018). Scientific diplomacy in the interpretations of Russian specialists. *International Trends*, 16(4), 193–208.
- Nagornaya, O. S. (2018). Scientific cooperation and educational contacts in the system of Soviet cultural diplomacy during the Cold War era (1945-1990). *Perm University Herald. History*, 42(3), 22–30.
- Nagornaya, O. S. (Ed.). (2018). *Soviet cultural diplomacy in the context of the Cold War, 1945-1989*. Political Encyclopedia.
- Orlov, I. B., & Popov, A. D. (2016). *Through the “Iron Curtain”: Russo tourist: Soviet outbound tourism, 1955-1991*. HSE Publishing House.
- Petrova, T. M. (2025). The Pugwash Conference of 1960 in Moscow in the context of cultural diplomacy of the Soviet Union. *Quaestio Rossica*, 13(4), 1367–1383.
- Rajagopalan, S. (2024). *The journey of Soviet things: The Cold War as a life experience in Cuba and India*. Bibliorossika.
- Shebalin, N. V. (1964). The great program for the study of the earth (XIII General Assembly of the IUGG in the USA). *Herald of the Academy of Sciences of the USSR*, 52(1), 52–58.
- Silina, L. V. (2011). *Foreign policy propaganda in the USSR in 1945-1985 (Based on materials from the Department of Propaganda and Agitation of the Central Committee of the CPSU)*. ROSSPEN.
- Tarle, G. Ya. (1988). *The peace movement in the USSR*. Nauka.